

# ЖИЗНЬ УСТРОЕНА НЕДОСТАТОЧНО ГЛУПО

Об особенностях подсознательной молитвы Нины Искренко

*(Тематическое к Независимой газете)*

Ирина Каспэ

Нина Искренко. О главном... (из дневника Н.И.): Тексты — М.: Издательство «Независимая газета», 1998, 272 с.

НИНА ИСКРЕНКО  
О ГЛАВНОМ...  
ИЗ ДНЕВНИКА Н.И.

развиваться в двух направлениях одновременно, неуверенно топтаться на месте или вдруг «нечаянно споткнуться о велосипед в коридоре». Образ осознается через действие, через глагольную конструкцию: «Темнеет Накрапывает Светает Тянется» вместо «Ночь, улица, фонарь, аптека». Номинативность более привычна — образы, предложенные Ниной Искренко, сложно удержать, их сцепление часто кажется неоправданным, произвольным.

Используя для декларации поэтического метода термин «полистилистика», Искренко подразумевает не только и не столько предметную эклектичность «когда средневековый рыцарь / в шортах...» и так далее, сколько эклектичность действия:

*полистилистика  
это когда я хочу петь  
а ты хочешь со мной спать  
и оба мы хотим жить  
вечно.*

Амбивалентность действия преодолевается спонтанностью языка, с неизменными оговорками, проговорками, скороговорками. Это речь рассеянного ученого-физика или замотанной домохозяйки, вынужденной делать несколько дел сразу. Речь попутная, сопровождаемая посторонними, излишними жестами — именно из них, несмотря на все усилия, большей частью состоит повседневная жизнь. Приемы, которые могли бы быть задействованы в деконструктивной культуре, на самом деле позволяют выстроить цельное высказывание, определяемое Ниной Искренко как «подсознательная молитва» — «религиозное движение, замаскированное под вульгарную, откровен-

но блефующую номенклатуру объекта, выхваченного из суеты сует». Такая посылка возвращает к сюрреалистическому пониманию и автоматического письма, и коллажа — фиксации внутреннего состояния вместо индифферентного считывания предполагаемого интертекста. «О главном» — сборник текстов, написанных за долготу полугода до смерти (август 1993-го — октябрь 1994-го) — стихи, похожие на дневниковые записи, и дневниковые записи, похожие на стихи. Книга задумана составителями (Сергей Кузнецов и Марк Шатуновский) как свидетельство постепенного отказа от игры, от «искусственных построений» в пользу ясно осознанной реальности — «когда наступает болезнь, не надо придумывать никакой искусственной вселенной» (Шатуновский). Хронологическая последовательность и точная датировка вызывают ощущение, «что времени катастрофически мало». Избыточность действия постепенно вытесняется конкретностью образа. Не остается ничего лишнего, ничего, что можно было бы растратить.

*Хотя у многих нет даже  
ощущения что жизнь  
этого  
устроена  
недостаточно глупо  
если в нашем распоряжении  
огромная лупа  
и на часах только половина  
пятого.*

Рассеянность сменяется крайней сосредоточенностью. Логика построения образа часто приближается к предельной, ироничной буквальности:

*У меня зеленый палец  
Я не знаю как мне быть  
Может быть зеленый палец*



Нина Искренко.

*Это признак красоты?*

Давнюю идею расплывающегося, неуловимого, блефующего образа Нина Искренко отработывает в самых первых текстах сборника, — чтобы больше к ней не возвращаться (см. проект кельи Инокки Нафиг или монолог Добрых Гномов:

*Некоторые догадываются  
хотя и мучительно  
что мы блефуем  
Но и блеф наш дорогого стоит  
Большинство же по-прежнему  
не подозревает о нашем  
существовании.*

Точно так же отработываются, доводятся до завершения многие мотивы, связывающие один текст с другим, а сборник «О главном» — с предыдущими сборниками Искренко. Подобным образом завершается игра «Я-Другие» (ср. цикл «Другая женщина» (1984). Двойничество, метафора, метаморфоза утрачивают прежнюю значимость — значима четкость идентификации:

*Другие могут  
Но других не существует  
Лишь ты да я  
Да вышел зайчик погулять.*

Метаморфозы, превращения воспринимаются как предмет исследования: Искренко предлагает «сюиту в четырех частях» с предельно простым синтаксическим рисунком — схему собственного метода.

Попытками схематического описания собственных игр Нина Искренко не ограничивается, апеллируя к популярным играм своего времени.

Цикл, названный «Изгнание текста», отсылает к наивным языковым играм начала 80-х («Попытка к тексту» Иртеньева). «Сны на пустой желудок» — аллюзия на текст Льва Рубинштейна «С четверга на пятницу». «Наглядные советы» — откровенная пародия:

*Увидишь ничего прижмись  
к нему и плачь  
От слез родится маленький  
скрипач.*

Все вместе — тот редкий случай, когда пародия не предполагает снижения стиля, а воспроизведение игры оказывается единственным возможным способом из нее выйти. Личная боль позволяет избежать ак-

центрированного «подведения итогов»:

*Я умру наверно То есть как  
наверно?*

Всякая декларация становится невозможной как еще одно лишнее, избыточное действие. Рефлексивность сборника далека от навязчивости. И структуралистские штудии со ссылками на Мандельштама («чистые гуманитарии слишком гуманитарны, они /.../ как будто не понимают, что в основе любого научного подхода лежит некий закон, уравнение, формула»), и размышления о судьбах России, опирающиеся на Бердяева и Розанова, ни в коей мере не воспринимаются как нечто вдохновенно-дилетантское. Потому что все это писалось, когда контекст в принципе не особенно важен. Важен текст. Существует только один камертон — болезнь. Ее признаки, ее этапы скрупулезно, добросовестно фиксируются — операция, уринотерапия, голодотерапия, — просто потому, что реальность приобретает черты болезни. Вряд ли это результат настоящего поиска «элемента симметрии» — парадигмы, на основе которой можно выстроить художественное пространство.

Избранный жанр — антология смерти, «репортаж с петлей на шее». Текст, созданный в рамках этого жанра, плохо поддается канонизации — слишком индивидуален и слишком объективен одновременно. Его достоинство — изживание метода. Сборник «О главном...» никогда не перестанет быть апокрифом, цель которого — не демонстрация боли, не возбуждение сочувствия. Цель — удержаться где-то между страхом и мужеством — «отключить интонацию, добиться «ровного шума на ровной ноте» — потому что — «если отключить интонацию, получится молитва».

*Я увидела двух комаров  
как будто бы двух докторов  
с такими большими шприцами,  
что хочется броситься к маме  
и с воплем уткнуться  
в шуршащий подол*

P.S. Сделайте ей промедол. □

«ПЕРЕХОД апокрифа в канонический текст» — процесс, который в той или иной степени прослеживался в предыдущих поэтических изданиях «НГ» (сборники Бродского, книжка Бахыта Кенжеева). Связывая эту формулу с текстами Нины Искренко, Юрий Арабов неоспорим в том смысле, что время канонизации вот-вот захлестнет и «новую волну» 80-х — начала 90-х годов — а Нина Искренко была одним из наиболее заметных, наиболее деятельных и наиболее верных «представителей поколения». Одним из организаторов клуба «Поэзия» (в 1986-м). Одним из инициаторов «Третьего объединения», существовавшего в рамках клуба (в объединение также входили Юрий Арабов, Евгений Бунимович, Игорь Иртеньев, Владимир Друк). В «годы чтений в полуподпольных студиях», будучи физиком по образованию, подрабатывала переводами научной литературы. С наступлением более благоприятных времен — довольно активно публиковалась.

Характерно, что в центре всех воспоминаний о Нине Искренко — ее восприятие литературной жизни как непрерывающегося перформанса. «Она затевала литературные акции невесты где, в совершенно безумных местах» (Бунимович), — не заметив, как всякая попытка провокации стала неизбежно превращаться в «попытку реанимации», а «ощущение праздника» постепенно сменялось ощущением неловкости — «и мы вполголоса, чтобы не слышала Нина, признавались друг другу, что поддались на это в последний раз» (Марк Шатуновский). Акция, действие — то, на чем всегда основывались тексты Нины Искренко. Не action с завязкой, завязкой и напряженной интригой, а что-то близкое к «забавным либо многозначительным действиям в лучших традициях самодельных артистов» (Света Литвак об очередном перформансе) — к действиям экзальтированным и неловким, продуманным и неуместным: сюжет, как правило, достаточно четко выражен, но он может



Нина Искренко: «Такие блин смешные человечки». Рисунок Гейнриха Кампедонка

Искренко Нина

01.04.98